

МАРТИН
СУТЕР

ИДЕАЛЬНЫЙ
ДРУГ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)
С 90

Martin Suter
EIN PERFEKTER FREUND
Copyright © Diogenes Verlag AG Zürich, 2002.
All rights reserved.

Перевод с немецкого *Э. Венгеровой*
Художественное оформление *С. Власова*
Фотопортрет Мартина Сутера на 4-й стороне обложки:
Ulrich Baumgarten via Getty Images / Fotobank.ru

Сутер М.

С 90 Идеальный друг / Мартин Сутер ; [пер. с нем. Э. Венгеровой]. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Проза Мартина Сутера).

ISBN 978-5-699-62226-9

Известный журналист Фабио Росси считает своего коллегу Лукаса Егера «идеальным другом». В больнице, куда Фабио попадает после жестокого удара по голове, он понимает, что последние пятьдесят дней его жизни стерты из памяти. Герой искренне надеется на помощь Лукаса.

Однако, когда Фабио шаг за шагом начинает восстанавливать события последних дней, у него рождаются подозрения, что «идеальный друг» предал его. Предал из-за женщины и очень больших денег. Но, может быть, настоящая дружба все-таки существует?

В 2006 году большой успех в европейских странах имел одноименный фильм, снятый известным французским режиссером Франсисом Жиро.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)

© Венгерова Э., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62226-9

1

Его рука коснулась лица, но лицо не ощутило прикосновения.

Фабио Росси уронил руку на простыню и попытался вернуться туда, где только что обретался. Туда, где не было ни чувств, ни шорохов, ни мыслей, ни запахов.

Запах — вот из-за чего ему так не хотелось открывать глаза. Пахло больницей. Стоит открыть глаза — и он узнает, почему он здесь.

А потом сквозь тьму пробился голос. «Господин Роооосси!» Как будто его окликали с другого берега реки. Настолько издалека, что можно было не отзываться, не рискуя оказаться невежливым.

Шорохи удалились, но запах остался. С каждым вдохом он становился все назойливее. Фабио попытался дышать ртом. Но похоже, рот открывался только наполовину. Фабио ощупал рот: так и было. Пальцы коснулись губ, но губы не ощутили прико-

сновения. Зубы были на месте. Они тоже ничего не чувствовали. Во всяком случае, справа.

Левая половина лица сохранила нормальную чувствительность. И верхняя часть тела — тоже. А еще он мог двигать ступнями и ощущать простыню пальцами ног. Он ощупал руку. На левом предплечье обнаружили пластырь и трубка от капельницы.

Фабио охватила паника. Но он все еще не решился открыть глаза. Сначала нужно вспомнить, почему он оказался в больнице.

Он потрогал голову. Волосы с онемевшей стороны были какие-то странные. Как шапка. Может, это бинт? Но и с левой стороны что-то не в порядке. На затылке больное место, заклеенное пластырем. Операция на черепе?

Удалили опухоль? А заодно и воспоминание об этой самой опухоли?

Он собрался с духом и открыл глаза. В помещении было сумрачно. Он с трудом различил капельницу, висевшую рядом с кроватью на хромированной стойке. У стены стол, на нем букет цветов, над столом распятие. Над изголовьем — рама для подтягивания, по раме идет провод со звонком. И Фабио, охваченный паникой, надавил на кнопку.

Прошла целая вечность, прежде чем дверь отворилась. Какая-то тень появилась в неоновом свете коридора, приблизилась и зажгла ночник.

— Да, господин Росси?

Подушки и приподнятое изголовье высокой кровати удерживали Фабио в полусидячем положении. Глаза тоненькой женщины, стоявшей у его постели, оказались почти вровень с его глазами. На ней была свободная голубая блуза из хлопка и такие же брюки. На пришпиленном к блузе беджике значилось имя, которое Фабио не сумел разобрать. Она пощупала его пульс и спросила, не отрывая взгляда от своих часов:

— Где вы находитесь?

— Об этом я хотел спросить у вас.

— А сами вы не представляете?

Фабио осторожно покачал головой. Женщина отпустила его запястье, сняла со спинки кровати карту больного и что-то записала.

— Университетская клиника, отделение нейрохирургии.

— Почему?

— У вас травма головы. — Она бросила хозяинский взгляд на капельницу.

— Какая травма?

— Черепно-мозговая. Вы получили удар по голове.

— Как это?

— Об этом я хотела спросить у вас, — усмехнулась она.

Фабио закрыл глаза.

— Сколько времени я здесь?

— Пять дней. Фабио открыл глаза.

— Я пять дней находился в коме?

— Нет, вы уже три дня как очнулись.

— Но я ничего не помню.

— Это связано с вашей травмой.

— Плохи мои дела?

— Да нет. Ни перелома, ни кровотечения.

— А пластырь на голове?

— В реанимации вам ввели зонд для измерения внутричерепного давления.

— Зачем?

— Компьютерная томограмма показала ушиб мозга, и врач решил поддержать вас под наркозом, чтобы проследить за внутричерепным давлением. Если бы оно поднялось, это означало бы отек мозга или кровотечение.

— И что тогда?

— Нет у вас отека.

— Я был в искусственной коме?

— Под длительным наркозом. Два дня.

У Фабио слипались глаза.

— Где моя подруга?

— Я полагаю, дома. Сейчас начало первого.

— Давно она ушла?

— Не знаю. Я ночная сестра, — ответил голос. Теперь снова с того берега реки.

Норина обтирала ему живот мягкой тряпкой. Он чувствовал ее легкую руку и тепло ткани. Он лежал без движения, слегка раздвинув ноги и притворяясь спящим. Когда она выжимала тряпку, он прислушивался к звуку капающей воды и нетерпеливо ждал нового прикосновения.

Она намылила лобок и пах. Наконец он ощутил ее пальцы на своем пенисе. Она приподняла его — и Фабио пронзила острая боль. Он вскрикнул.

— Пардон. — Голос был мужской.

Он открыл глаза. У кровати стоял мужчина примерно его возраста. Светло-русые волосы, очень короткая стрижка, голубые брюки, голубая блуза с короткими рукавами, бейджик на груди. В знак сожаления мужчина поднял руки вверх.

— Катетер в мочевом пузыре. Sorry. Вы знаете, где вы находитесь?

Фабио оглянулся. Рядом с кроватью капельница, у стены стол с букетом, над ним распятие.

— Похоже на больницу.

— Вы знаете, в какой вы больнице?

— Понятия не имею.

Мужчина взял со спинки кровати карту больного и что-то записал.

— Университетская клиника, нейрохирургия.

— Почему?

— У вас травма головы.

Фабио ощупал свою голову. Правая половина лица казалась онемевшей. На затылке то ли пластырь, то ли бинт.

— Как это случилось?

— А вы не помните?

Фабио подумал.

— Нет. Скажите мне.

— Вам нанесли удар в затылок. Это все, что мы знаем.

— Когда это было?

— Шесть дней тому назад.

— Я так долго был в коме? — испугался Фабио.

Санитар открыл ящик тумбочки, вынул из него блокнот. Записи были сделаны рукой Фабио. Там, куда указывал санитар, было написано: *У меня посттравматическая амнезия.*

— Когда я это написал?

— Вчера. — Санитар перелистнул страницы назад и показал ему другую запись: *У меня посттравматическая амнезия.* — А это позавчера.

Фабио прочел другие записи. *В реанимации меня два дня держали на искусственном дыхании под наркозом. В затылке пробурили дыру и вставили зонд. Поэтому и пластырь. Или: Зонд измеряет внутричерепное давление. Если происходит ушиб мозга или возникает кровотечение, давление поднимается. Или: Пока я спал, мама приходила пять раз.*

— Где сейчас моя мать?

— Полагаю, дома.

— Моя мать живет в Урбино, отсюда до Урбино шестьсот пятьдесят километров.

Санитар что-то себе записал.

— Что вы пишете?

— Запись для доктора Бертода. О том, что вы вспомнили, где живет ваша мать.

— Я все помню, кроме самого несчастного случая.

Санитар кивнул, но Фабио его кивок не понравился. Он снова принялся листать блокнот: *Кажется, здесь была Норина. Цветы, конечно, от нее.*

— Я был в сознании, когда сюда приходила моя девушка?

— Иногда.

Фабио умолк.

— Запишите вопросы, которые вы хотели бы задать доктору Бертоду, — предложил санитар и продолжил гигиеническую процедуру.

В темноту проник запах жасмина, розы, ландыша, иланг-иланга, амбры и ванили. Левая сторона его губ ощутила прикосновение чего-то мягкого. Рот? Фабио открыл глаза. Перед ним было женское лицо, так близко, что черты расплывались.

— Норина?

Лицо отодвинулось. Теперь он смог его рассмотреть. Высокие скулы, большие голубые глаза, маленький полногубый рот. Короткие светлые волосы. Лет двадцати пяти.

— Привет, Фабио, — улыбнулась она. Какая смелая, подумал Фабио.

— Привет, — сказал Фабио. Он никогда не видел эту женщину.

2

Постепенно к Фабио возвращалась память. По крайней мере, он мог вспомнить, что было вчера. Он просыпался и знал: я лежу в больнице, потому что кто-то двинул меня по черепу. Меня доставил

сюда полицейский патруль, а его вызвали прохожие, потому что я был не в себе, правый глаз подбит, на голове кровь. У меня черепно-мозговая травма средней тяжести, с левой стороны разрыв кожного покрова, ушиб правой лобной доли, гематома типа монокля на правом глазу, трещина в дне правой глазницы, отчего защемляется лицевой нерв и немеет правая половина лица. Вероятно, это следствие падения от удара. Я страдаю антероградной и ретроградной амнезией, молодая женщина, которая меня целует и приносит цветы, не Норина. Ее зовут Марлен. Она моя подруга. Вот уже пять недель.

Днем еще было терпимо. Завтрак, умывание, физиотерапия, томография, электроэнцефалография. Врачи тестировали функции его мозга («Когда я подниму вверх палец, поднимите два, когда я подниму два — поднимите один»); клали на язык сладкие и соленые ватные тампоны, чтобы проверить реакцию вкусовых нервов; кололи булавками, определяя чувствительность тройничного нерва; проверяли рефлексы резиновым молоточком; проводили тесты на горячее и холодное, острое и тупое; просили запоминать слова и повторять их в обратном порядке, отвечать на вопросы о своей биографии, профессии и о несчастном случае; ему предлагали: пусть он вспомнит имена трех последних американских

президентов и пусть скажет, какое сегодня число, и как зовут его главного редактора, и как он провел последний летний отпуск.

Фабио увлеченно включался в эксперименты. Он хотел узнать, каково его положение. Он хотел узнать, что с ним случилось. Он хотел узнать то, что он забыл.

В перерывах между диагностическими, терапевтическими и гигиеническими процедурами он дремал, немного читал (что очень его утомляло) и принимал с краткими визитами.

Но едва заканчивался ранний ужин и дневная сестра опускала жалюзи, скрывавшие еще светлое летнее небо, паника возвращалась.

Это чувство было ему знакомо. На свадьбе матери три года назад, в Урбино, он выпил столько граппы, что ни о чем больше не мог вспомнить. И он не знал, что с ним произошло. Матери было сорок шесть лет, когда умер его отец. Отцу было под семьдесят. Через три года она вышла замуж за друга своей юности, и Фабио ничего не имел против их брака. Ходили слухи, что она сошлась с Альдо еще при жизни отца, но Фабио ее не видел. Красивая женщина, она была создана не для того, чтобы коротать вечера с хворым стариком, который только и делал, что постоянно твердил наизусть фамилии футболистов, игравших в итальянской сборной последние сорок лет.

Однако же на свадьбе матери Фабио напился, как отвергнутый любовник: целеустремленно и демонстративно. Он проснулся голым на бабушкиной кровати для гостей и обнаружил рядом с собой на голом матрасе узел со своим постельным бельем, своей одеждой и содержимым своего желудка. Бабушка жила в Салюдечию, на полпути между Урбино и Римини. Он понятия не имел, как там оказался.

Целые сутки он боролся с похмельем и переваривал отчеты других гостей о подробностях своей эскапады. Паника возникла только тогда, когда он установил, что примерно четырнадцать часов его жизни не оставили в памяти никакого следа. Он мог их реконструировать, он мог их изучить, он мог их исследовать как историю, произошедшую с кем-то другим. Но своей версии у него не было. Его собственный, личный опыт бесследно, необратимо исчез. Как однажды наутро исчез его молочный зуб, оставленный вечером на подоконнике.

Это приключение так напугало Фабио, что он два года вообще не прикасался к спиртному и до сей поры больше никогда не напивался.

На этот раз прошло пятьдесят дней.

Его последним воспоминанием — свежим и живым — было интервью с машинистом локомотива. Казалось, он расспрашивал его только